

АШИРА

ХААН

ПРИНЕСИ МНЕ

САНТА

АНТИДЕПРЕССАНТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ашира Хаан

**Принеси мне, Санта,
антидепрессанты**

«Автор»

2022

Хаан А.

Принеси мне, Санта, антидепрессанты / А. Хаан — «Автор»,
2022

Не дело это - без новогоднего настроения ходить! Ну и что, что у тебя депрессия? Зачем еще существуют Дед Мороз и Санта-Клаус? Попроси у них немножечко радости - и только держись! Может быть, они только этой просьбы и ждали! Чудеса, знаете ли, надо делать своими руками - даже если ты Санта-Клаус и по совместительству психиатр в местном ПНД. Очень, очень горячий и развратный психиатр...

© Хаан А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Не лучшее место для новогоднего настроения	5
Синий шарик и последняя коробочка с оливье	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ашира Хаан

Принеси мне, Санта, антидепрессанты

Не лучшее место для новогоднего настроения

– Заходите.

– Ой! – Я сначала заскочила в кабинет, а потом только огляделась. – А где Инга Семеновна?

– Я за нее! – заявил сидящий за столом молодой мужчина со светлыми волосами. Загорелый, с улыбкой, как у голливудской звезды, и глазами голубыми-голубыми, будто весеннее небо. И в цветастой гавайской рубашке под запахнутым белым халатом.

Нифига себе психиатры пошли!

Я даже забыла закрыть за собой дверь. И вообще застыла, не сделав ни шагу, пока он не улыбнулся еще раз во всю сотню белоснежных зубов и жестом не пригласил меня сесть на стул для пациентов. Медсестра за столом у окна насмешливо хмыкнула. Видать, я не первая такая... ошеломленная.

А парень встал – оказался он высоченным! – и сам закрыл дверь кабинета.

– Меня зовут Максим Игоревич, я сегодня заменяю вашего участкового психиатра.

Да я уже догадалась.

Во все глаза я рассматривала этого Максима Игоревича, который совсем не выглядел серьезным доктором. Скорее было похоже, что какой-то австралийский серфер отвлекся от съемок для календаря с мужиками-моделями и прикола ради напялил халат. Он даже за стол не помещался! Это вообще должно быть противозаконно – чтобы психиатры были такими красивыми!

Ему же отдаться хочется прямо на этом столе, заваленном документами, и чтобы стопки медицинских карт рассыпались по полу от ритмичных толчков!

Максим Игоревич, к счастью, как раз опустил глаза в одну из таких карт. Мою. И не видел, как я пожираю его взглядом, будто он мое любимое пирожное. Например, тирамису со сладким-сладким сливочным кремом, легкой ноткой пьянящего кофейного ликера и горчинкой посыпки из черного шоколада. Или эклер с тонкими стенками из заварного теста, ванильным кремом внутри и шоколадной помадкой снаружи... Ты обнимаешь его губами, вонзаешь зубы в воздушное тесто и чувствуешь, как растекается на языке сливочный крем...

– Так, – сказал Максим Игоревич, прерывая мои гурманско-эротические фантазии. – Смотрю, Инга Семеновна назначила вам новый препарат, потому что на предыдущий отклика не было. И сегодня у нас контрольный визит. Что ж. Рассказывайте!

Он сложил руки домиком и вопросительно поднял на меня свои небесные глаза.

– Что рассказывать?! – испугалась я. Все-таки я не готова вот так вот через двадцать секунд знакомства вываливать все, что только что подумала. Да и медсестра рядом.

– Все рассказывайте! – щедрым жестом разрешил Максим Игоревич. – Всю свою жизнь!

Уф, ну ладно, это я могу. Только...

– Это будет долго, – честно сказала я.

– Куда-то спешите? – выгнув светлую бровь, ехидно спросил он.

– Куда я могу спешить тридцать первого декабря в шесть вечера, действительно...

И тут все веселье с него словно смыло. Он неожиданно стал очень серьезным и даже халат слегка запахнул, скрывая буйство красок и хвост малинового попугая, нарисованного на рубашке.

– Некуда спешить? А как же готовить новогодний стол? Елку украшать? Покупать последние подарки? С семьей поругаться, как положено на праздники?

– Я одна живу, – пожалала плечами. – Не с кем ругаться. Некому подарки дарить. А «оливье» куплю в супермаркете.

Он нахмурился и что-то написал в моей карточке. Неужели про «оливье»? Я вытянула шею, но ничего не разглядела. Да и с этим их врачебным почерком даже если разглядишь, прочитаешь только заклинание вызова демона, а не секреты моей странной психики.

– Плохо. – Максим Игоревич постучал ручкой по столу и повторил: – Очень плохо. Обязательно нужны новогоднее настроение, суэта, предвкушение праздника. Так что вы уж постарайтесь. Елочку хотя бы поставьте – это я вам как доктор настоятельно рекомендую.

– Где ж я ее сейчас найду? – хмыкнула я. – Не успею уже.

– Ну... – Он потер в задумчивости идеально выбритый мужественный подбородок. – Вдруг случится новогоднее чудо? Попробуйте!

И сошурился хитро так. Снова блеснул улыбкой – вот я уверена, что таких людей можно фотографировать в любой момент жизни, они даже в туалете в самую ответственную минуту будут выглядеть сияющими звездами.

Как тут не сомлеть бедной девушке, которая даже целовалась последний раз пару лет назад?

– Ладно. – Максим Игоревич хлопнул ладонями по столу. – Вернемся к нашим баранам. Что с вашим антидепрессантом? Как заходит? Побочные эффекты есть? Тошнота, например?

– Есть, – кивнула я.

– Диарея? Сонливость? Понижение либидо?

Вот до входа в этот кабинет либидо у меня было пониженное. Все те же пару лет как пониженное. А на антидепрессантах, еще первых, которые вообще не действовали, – оно и вовсе уснуло, как Белоснежка, откусившая яблоко. Вечным сном – лет на сто.

А сейчас... встрепенулось как-то даже. Сердечко екает – я уж и забыла, как это приятно! Да и ниже... гораздо ниже... уффффф, как стало тепло. Горячо даже.

И как в таких условиях сообщать про диарею причине моего эротического волнения?

Я замялась, думая, как сказать супер-секси-психиатру, которого хочется облизать с головы до ног, как карамельку, что я по полдня из туалета не вылезая?

– Всего понемножку, – дипломатично выкрутилась я.

– Еще симптомы? – Он снова пометил что-то в карточке.

Я вздохнула. Желание забиться в маленькую норку и никогда не вылезать? Прыщи – как будто я вернулась в свои тринадцать? Головная боль по ночам?

Решила рассказать о головной боли. Это даже как-то... изыщно.

– Мда... – Максим Игоревич написал что-то в карте размашистым почерком. – Плохо.

Ему так не шло хмурое выражение лица, что мне тут же захотелось убедить его, что ничего страшного, ну поболела голова – и все, а так таблетки отличные! Просто великолепные таблетки! Особенно мне цвет нравится – такой благородный пыльный синий, у меня платье на выпускной такое же было! Пусть он улыбнется!

Он как будто услышал мои мысли – господи, не дай бог! – и таки улыбнулся.

– К счастью, я как раз вернулся с медицинской конференции, где производители представляли антидепрессант нового поколения. Клинические испытания прошли очень успешно, результаты убедительные. Так что давайте я вам его и выпишу! Побочных эффектов практически нет.

Он засучил рукава халата, как будто собрался картошку копать, а не рецепт выписывать.

А я мгновенно нашла новый фетиш – залипла на его руки. Ух, какие пальцы... Особенно указательный и средний. Такие... длинные и ловкие. И жилы на предплечьях... А учитывая,

как халат едва не трещит на мощных плечах, в раздетом виде Максим Игоревич наверняка еще более сладкая карамелька...

Уфффф...

Захотелось достать где-нибудь веер и срочно начать им обмахиваться.

Ничего себе зажигательный мужик! Мне даже жить как-то захотелось – давно забытое чувство. А можно мне его вместо антидепрессантов? Дважды в день.

Он закончил выписывать рецепт, встал из-за стола и шагнул ко мне, протягивая его.

Ярко-голубые глаза смотрели с такой теплотой, что я не смогла от них оторваться и взяла листочек из его руки дрожащими пальцами – пару раз промахнувшись.

– Постарайтесь купить таблетки поскорее. Не хотелось бы, чтобы такая красивая и молодая девушка пропускала всю радость жизни, – сказал он, понизив голос. Так интимно и доверительно, что я сглотнула, почувствовав, как по коже пробежали мурашки.

– Сегодня уже не успею... – прошептала я в ответ.

– Ну, как только откроются аптеки. Не затягивайте.

И он вернулся за стол. Я – честное слово, не удержалась! – бросила взгляд на его задницу. Она должна была быть великолепна при таком шикарном экстерьере. Но – увы, была прикрыта халатом. Вот облом-то! Девушка в кои-то веки возбудилась, а тут...

В общем, из кабинета я вывалилась вся красная как рак и тут же заскочила в туалет, чтобы плеснуть холодной водой в лицо. Ох. Ох. Ох.

Синий шарик и последняя коробочка с оливье

Психоневрологический диспансер в новогодние праздники – место невыносимо унылое.

Здоровые люди, которым только справку получить – на работу, для вождения, на оружие, – тридцать первого декабря в шесть вечера сюда не заглядывают. У них есть дела поинтереснее.

Зато те, кому надо обновить рецепты перед долгими каникулами, покорно сидят в очереди. Лица у них мрачные, одежда серая, а в глазах – печаль. Кто-то навсегда привязан к этому мрачному месту: у них серьезные проблемы, и таблетки надо пить пожизненно. Кто-то еще надеется избавиться от временных напастей – депрессий, тревожных расстройств и прочих не самых тяжелых по сравнению с теми, что у первых, неприятностей. Но и они не слишком радуются: если организм решил, что больше ты серотонина, дофамина и остальных гормонов, отвечающих за счастье и радость жизни, не заслуживаешь, то как бы ни хотелось, новогоднего настроения у тебя не случится.

И даже елочка в холле, наряженная сотрудниками – облезлая, пластиковая, украшенная старыми, еще советскими игрушками, – не развлекает. Хотя и напоминает о детстве. У моих бабушки с дедушкой такая же была. Даже царица полей кукуруза на прищепке – точь в точь как та, что спрятана у меня на антресолях в старой коробке, набитой ватой.

Там же лежит Дед Мороз из папье-маше. Суровый, с посохом. Я не стала ничего доставать в этом году. Не хочется.

У меня тоже недостаток радости в организме. А самое печальное – что нет никакого желания эту радость добывать.

На улице заметало. Мелкий колкий снег летел в лицо острыми стрелами, царапая кожу. Я укуталась в шарф по самые глаза, но это мало помогало.

На остановке автобуса было пусто. Наверное, недавно ушел. Теперь полчаса ждать: больше отсюда ничего не ходит. Справа от меня убегала пустынная, освещенная тускло-оранжевыми фонарями дорога к еще более черному на фоне вечерней темноты лесу, слева тянулся унылый серый забор. И ни одной живой души.

После короткого, но яркого свидания с горячим психиатром у меня осталось ощущение, что я побывала на берегу океана, где загорелые спасатели с прокачанным прессом зубоскалят с красотками в белых купальниках, шумит прибой и светит яркое тропическое солнце. А теперь меня снова порталом выкинуло в московскую промзону в минус двадцать и обратно не пускают. Даже если бы у меня не было депрессии – она бы сейчас непременно началась!

Автобус сжалился и пришел через десять минут. Правда, я окончательно успела замерзнуть. Внутри воняло бензином и выхлопными газами, словно у нас тут не двадцатые годы двадцать первого века, а восьмидесятые в деревне. Старенький «пазик» ковыляет к станции электричек, дачники сидят на мешках с картошкой, и разбитая дорога вытряхивает всю душу.

От запаха тошнило, но не на мороз же выскакивать? Может, и не от запаха, может, тоже побочки от таблеток.

В аптеке у метро, которая уже закрывалась, нужного лекарства не было. Аптекарьша с подозрением изучила рецепт, даже печать зачем-то потерла наслюнявленным пальцем и, обведя меня презрительным взглядом, сказала, что у них такого нет. Не первый раз уже, кстати, я сталкивалась с тем, что в аптеках к моим лекарствам относятся так, будто это страшные наркотики, а я совсем маргинальная женщина, раз их пытаюсь купить. При этом молодые парни, покупающие упаковки шприцов, такой реакции никогда не вызывали.

Я потащила в метро, надеясь еще успеть застать открытый елочный базар и купить хотя бы одно из «прописанных» психиатром лекарств. Самую облезлую елочку, пожалуйста, и полкило новогоднего настроения на сдачу!

Но – увы. На том месте, где еще с утра укутанные по брови бодрые продавцы деловито измеряли елки, отсчитывали деньги и упаковывали разлапистых красавиц в сетки, чтобы удобнее было нести, уже никого не было. И елок не было, только валялись втоптаные в снег сло-манные ветки.

Ну вот...

Глупость, конечно, но почему-то я ужасно расстроилась, до слез.

Я взрослая девочка, мне почти тридцать лет, и в Деда Мороза я давно не верю, но в ново-годнее чудо – еще немножко да! Поэтому где-то в глубине души после слов Максима Игоревича про обязательную радость я надеялась, что вместе с елочкой принесу в дом и надежду на перемены к лучшему.

Я подняла одну веточку – показалось, что она самая целая, – но она развалилась у меня в руках. Подняла другую – иголки на ней были раздавлены в кашу. Третья осыпалась. Я бросила ее обратно в снег и почувствовала, как против моей воли горячие слезы копятая в уголках глаз.

Вроде и понятно – головой! – что это болезнь за меня плачет и грустит, что я не виновата, что никакой трагедии нет. А все равно печально и кажется, что я самая несчастная в мире.

Прямо сейчас.

Здесь, на этом покинутом еловом базаре. Одна, в темноте...

– Я так по тебе скучаю... – прошептала я. В груди разливался холод одиночества. – Так скучаю...

Три года прошло, как мы расстались с бывшим, а я все еще думала о нем. Особенно в такие моменты, как сейчас, когда кажется, что я бы потерпела: и то, что он меня постоянно шпынял, и то, что попрекал внешностью, презирал все мои увлечения, танцевал на вечеринках со всеми, кроме меня. Потерпела бы – лишь бы не быть одной в эту новогоднюю ночь. Лишь бы кто-нибудь теплый обнимал меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.